

Министерство культуры Российской Федерации
Правительство Вологодской области
Институт археологии Российской академии наук

**СЕВЕРНАЯ РУСЬ
И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Вологда – Кириллов – Белозерск
6–8 июня 2012 г.

Вологда
«Древности Севера»
2012

УДК 94(47).02/.03
ББК 63.3(2)41
С28

Редакционная коллегия:
старший научный сотрудник Института археологии РАН,
к. и. н. С. Д. Захаров (ответственный редактор),
генеральный директор Вологодского государственного
музея-заповедника А. В. Суворов

С28 **Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства** : сборник материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.) / М-во культуры РФ, Правительство Вологодской обл., Ин-т археологии РАН ; [редкол.: С. Д. Захаров (отв. ред.), А. В. Суворов]. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 210 с.

ISBN 978-5-93061-060-4

В сборнике публикуются материалы Международной научной конференции «Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства», состоявшейся в городах Вологда, Кириллов и Белозерск 6–8 июня 2012 г. В нём содержится 15 научных статей, подготовленных авторами из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Череповца) и ФРГ (Гёттингена, Шлезвига).

Сборник предназначен научным работникам, преподавателям, студентам и всем, интересующимся историей и археологией.

УДК 94(47).02/.03
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-93061-060-4

© Оформление. ООО НИЦ
«Древности Севера», 2012

Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.)

Смоленское Поднепровье и Подвинье – это особый историко-культурный регион, занимающий северо-запад современной Смоленской области. В XI–XIV вв. здесь находилось территориальное и политико-административное ядро Смоленского княжества, а в предшествующий период (конец IX – начало XI в.) регион являлся одним из главных очагов формирования Древнерусского государства. В конце I тыс. по этой территории проходил стратегически важный и очень трудный в эксплуатации участок пути «из варяг в греки», названный в Повести временных лет (далее – ПВЛ) «волоком», здесь же расположен знаменитый Гнёздовский археологический комплекс X – начала XI в., представляющий собой остатки первоначального Смоленска. Тем не менее, письменные источники крайне скупо освещают историю Смоленска и его округи в эпоху образования Древнерусского государства. Поэтому археологические и нумизматические данные становятся основными источниками для решения проблем раннего политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье и политической истории этого региона в конце I и на рубеже I–II тыс.

Смоленское Поднепровье и Подвинье в IX в.

Вначале охарактеризуем в общих чертах этнокультурную и социально-экономическую ситуацию в изучаемом регионе накануне древнерусской эпохи. В IX в. эта территория выглядит однородной в этнокультурном отношении, представляя собой восточную часть основного ареала культуры смоленских длинных курганов VIII–X вв. (далее – КСДК). Исследователи отождествляют носителей этой археологической культуры с кривичами средневековых письменных источников, поскольку ареал КСДК хорошо вписывается в рамки той территории, на которой жили кривичи по данным ПВЛ и сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Шмидт, 1968, с. 224; Енуков, 1990, с. 3–4, 151). По нашему мнению, носители КСДК (кривичи) – это группировка восточных славян, расселившаяся на территории северо-восточной Белоруссии и северо-западной Смоленщины не позднее 1-й половины VIII в. В IX в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье существовала

устойчивая система расселения, основанная на ранних формах пашенного земледелия (Нефёдов, 1996). Её элементарной ячейкой является комплекс типа «селище – курганный могильник».

В Смоленском Поднепровье и Подвинье пока не удаётся уверенно выделить какой-либо «племенной центр» или «центры» носителей КСДК, особенно если понимать под таковыми археологические комплексы, включающие укрепленные поселения. Выразительных материалов КСДК на многочисленных городищах Смоленщины не обнаружено, хотя есть данные об эпизодическом использовании этим населением некоторых «городков» более ранних эпох, вероятно, в качестве убежищ. В частности, нет никаких оснований утверждать, что Смоленск возник как «племенной центр» кривичей (понимая под ними носителей КСДК), поскольку ни в Гнёздове, ни тем более в историческом центре современного города нет культурного слоя или отдельных комплексов, относящихся к этой культуре. Гнёздовский археологический комплекс всецело связан с ранним этапом древнерусской культуры и не имеет прямого отношения к КСДК. К сказанному следует добавить, что материалы погребений КСДК не позволяют охарактеризовать кривичское общество как стратифицированное. Тем не менее, некоторая имущественная дифференциация внутри общин, по-видимому, имела место: на общем фоне выделяется ряд сравнительно «богатых» погребений с редкими привозными украшениями и даже изделиями из серебра – например, погребение в кургане 2 могильника Цурковка (Шмидт, 1958; Нефёдов, 2000, с. 192–195).

В VIII–IX вв. Смоленское Поднепровье и Подвинье отнюдь не было изолированным регионом. Выделяется два основных направления внешнеэкономических связей местного населения. Одним из них, вероятно, являлось «широтное», которое связывало Смоленщину через Среднее Подвинье (где жило то же самое население) с Юго-Восточной Прибалтикой, прежде всего с Латгалией. По этому, условно говоря, двинскому пути к смоленским кривичам, как можно предполагать, привозили различные украшения из медных сплавов, особенно массивные литые гривны, браслеты и пр. Не исключено, что эта торговля распространялась и дальше на восток, в бассейн Оки. Другим важным направлением внешней торговли было «юго-восточное», которое связывало Смоленское Поднепровье с северными районами Хазарского каганата (Нефёдов, 2002). Оттуда на территорию Смоленщины (возможно, при посредничестве родственного носителям КСДК роменского населения) поступали различные украшения, детали костюма и конской сбруи из медных сплавов, а также стеклянные бусы и, возможно, в небольшом количестве серебро. Можно утверждать, что территория северо-западной Смоленщины яв-

лялась периферией зоны экономических интересов Хазарского каганата.

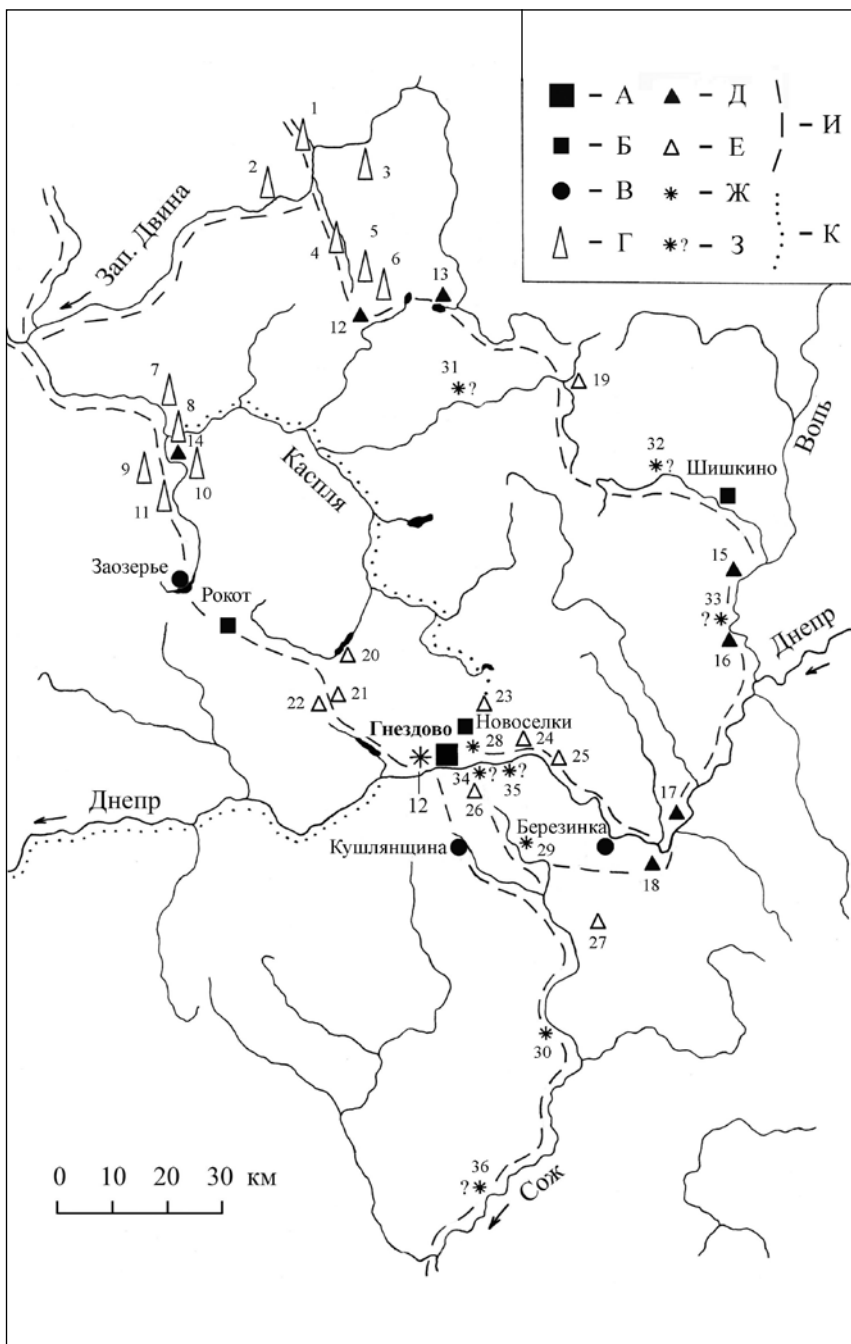
Материалы раскопок смоленских длинных курганов показывают, что привозные изделия распространены в изучаемом регионе повсеместно и довольно равномерно. Это свидетельствует о существовании уже во 2-й половине VIII – 1-й половине IX в. развитой сети внутренних путей сообщения и о тесных связях между поселениями смоленских кривичей.

Имеются единичные, но достаточно надёжные данные, позволяющие утверждать, что скандинавы проникли в Днепро-Двинское междуречье (но не на левобережье Днепра) и начали там селиться уже в IX в. Известно по крайней мере одно достоверное скандинавское погребение IX в., раскопанное в курганном могильнике Шишкино (Городок) на р. Царевич в бассейне Днепра. Найденные в нём равноплечая фибула, бронзовые пуговицы салтовского круга и набор стеклянных бус подтверждают именно такую датировку комплекса (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 502, 505). Ещё одним важным источником является широко известный клад у д. Кислая, найденный на селище, культурный слой которого сохранил в том числе керамику КСДК. В состав клада с младшей монетой 837/838 г. входил так называемый полубрактеат Хедэбю (Шмидт, 1969; Нахапетян, Фомин, 1994, с. 146, 184), что указывает как минимум на участие скандинавов в формировании этих сокровищ, которые, очевидно, поступили в бассейн р. Каспля откуда-то с севера. На сегодняшний день это единственный клад IX в., известный в изучаемом регионе. Можно предположить, что первые группы скандинавов, проникавшие в Днепро-Двинское междуречье и пытавшиеся (иногда успешно) закрепиться там надолго, привлекала не столько перспектива дальнейших вояжей на юг Восточной Европы и в Византию, сколько возможность включиться в торговлю местного славянского населения с Хазарским каганатом.

Первый этап политогенеза: конец IX – середина X в.

В конце IX – начале X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье начала формироваться археологически фиксируемая инфраструктура транзитных военно-торговых коммуникаций, которые входили в систему «волокового» участка пути «из варяг в греки». Несомненно, эта сеть коммуникаций складывалась на основе внутренних путей сообщения, существовавших в VIII–IX вв.

При реконструкции конкретных маршрутов водно-волоковых путей необходимо учитывать несколько признаков (Лесман, 2003, с. 55–57). Во-первых, маршруты должны быть органично

вписаны в синхронную систему расселения, т.е. на них должны находиться археологические памятники конца I тыс., расположенные не реже чем в 20–30 км друг от друга (расстояние, не превышающее дневного перехода). Не менее важно, когда населённые пункты маркируют наиболее трудные участки путей: концы сухопутных «волоков», порожистые участки рек и т.д. Во-вторых, археологические материалы поселений и могильников, расположенных на путях, должны содержать свидетельства участия жившего там населения в международной торговле и/или присутствие в его составе инокультурных компонентов. В-третьих, маршруты путей должны маркироваться не только археологическими, но и нумизматическими источниками – кладами и отдельными находками монет.

Учёт указанных признаков в их совокупности позволяет выделить три основных маршрута военно-торговых путей конца IX – начала XI в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье: два в Днепро-Двинском междуречье и один на левобережье Днепра. Ниже приводим их краткое описание с севера на юг.

1. Р. Усвяча – р. Западная Двина – р. Каспля – р. Рутавечь – волок – р. Клёц – р. Удра – р. Лелеква – волок – оз. Купринское – р. Катынка – вверх по Днепру до Гнёздова. На этом пути находятся, в частности, крупные скопления памятников конца I тыс. н.э. в районе впадения Рутавечи в Касплю и по берегам оз. Купринско-

Рис. 1. Смоленское Поднепровье и Подвинье в конце IX – середине X в.:

А – раннегородской центр;

Б – древнерусские локальные центры 2-го ранга;

В – гипотетические локальные центры 3-го ранга;

Г – сопковидные курганы: 1 – Горяне, 2 – Смоленский Брод, 3 – Мальёв Оступ, 4 – Балбаи, 5 – Чёрная Грязь, 6 – Бакланово, 7 – Шарки, 8 – Силуяново, 9 – Боярщина, 10 – Бор, 11 – Заики;

Д – селища / могильники КСДК: 12 – Шугайлово, 13 – Слобода (Пржевальское), 14 – Ковали, 15 – Михайково, 16 – Сельцо (Ярцево), 17 – Лопино (Шутовка), 18 – Арефино;

Е – древнерусские селища / могильники: 19 – Русаново (Буризы), 20 – Пичички, 21 – Волоковая, 22 – Гончаренки, 23 – Дивасы, 24 – Вязовенька, 25 – Колодня, 26 – Боровая, 27 – Ямполье;

Ж – клады с датированными монетами: 28 – Дубровенка (954–961 гг.), 29 – Сож (952–955 гг.), 30 – Борисково (940/941 г.);

З – клады восточных монет не датированные: 31 – Городище (Верхавск), 32 – Жигулино, 33 – Ярцево, 34 – Верхне-Ясенная, 35 – Смоленск, 36 – Стайки;

И – главные маршруты военно-торговых путей;

К – второстепенные маршруты военно-торговых путей

го – р. Катынка, древнерусские курганы с трупосожжениями на р. Лелеква (Волоковая, Гончаренки), а также известные археологические комплексы Заозерье и Рокот, расположенные на концах волока из оз. Большая Рутавечь к верховьям р. Клёц.

2. Р. Западная Двина – р. Сертейка – «цепочка» озёр и мелких речек в верховьях рек Половья, Ельша и Гобза – волок – р. Царевич – р. Вопь – вниз по Днепру до Гнёздова. Этот путь изобилует памятниками конца IX – начала XI в. Отметим скопления памятников в Смоленском Поозерье и верховьях Гобзы (в т.ч. Шугайлово, Слобода (Пржевальское), Рибшево, Русаново (Буризы)), археологический комплекс Шишкино (Городок) на р. Царевич, несколько крупных могильников этого времени по нижнему течению р. Вопь (Михейково, Сельцо, Мизиново) и на Днепре между устьем Вопи и Гнёздовым (Лопино (Шутовка), Маркатушино, Колодня и др.). С этим же маршрутом связаны находки кладов восточных монет: Жигулино, Ярцево, Смоленск, Верхне-Ясенная (не датированы).

3. Р. Днепр – р. Сож с несколькими вариантами перехода из одной реки в другую. Два из них начинались на Днепре в районе Гнёздова: а) Днепр – р. Лубня (впадает в Днепр напротив Ольшанского комплекса в Гнёздове) – волок – р. Мошна – р. Сож; б) Днепр – р. Боровая или р. Ясенная – волок – р. Сож. Эти маршруты маркируются, в частности, такими памятниками в верховьях Сожа и при переходе из Сожа в Днепр, как Боровая, Кушлянщина, Сумароково, Горяны, Кошино, Княжое, Светлое и др., а также кладами восточных монет: Сож (952–955 гг.), Борисково (940/941 г.), Барсуки (990-е гг.), Стайки (не датирован). Очевидно, существовал ещё один переход из Днепра в Сож, начинавшийся значительно выше Гнёздова: в) Днепр – р. Ливна или р. Арефинка – волок, примерно совпадавший с трассой Ельнинского тракта XVIII–XIX вв. – р. Сож в районе Сумарокова. На этом маршруте известно несколько памятников конца I тыс., среди которых Плескачи (Станьково), Арефино, Акулы (Путятинки), Яново, Березинка. Возможно, эта дорога шла от верховьев р. Ливны не только на запад, к Сожу, но и на восток, к истокам рек Десна и Угра.

Кроме перечисленных маршрутов, по территории Смоленского Подвинья уже в X в. проходил Двинский путь, шедший в широтном направлении собственно по р. Западная Двина. Его существование выше г. Витебска недавно достаточно надёжно обосновал И.И. Еремеев (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 348–352), хотя достоверные памятники конца I тыс. на этом участке реки единичны. Что же касается традиционно фигурирующих в литературе путей по Каспле (от оз. Каспьянское вниз по течению реки) и по Днепру ниже впадения в него р. Катынки, то их ста-

бильное функционирование в конце I тыс. вызывает серьёзные сомнения по причине практически полного отсутствия на них памятников этого времени. Незаселённость верхнего и среднего течения Каспли, а также бассейна р. Березины и примыкающего поречья Днепра в Смоленской обл. в VIII–X вв. объясняется наличием там обширных водно-ледниковых равнин с неплодородными почвами, неблагоприятными для ранних форм пашенного земледелия. Ситуация осложнялась тем, что, например, среднее течение Каспли изобиловало различными препятствиями для судоходства – порогами, каменными грядами и т.д., большинство из которых было ликвидировано только в 1825 г. при расчистке русла реки (Военно-статистическое обозрение... , 1852, с. 28). Вместе с тем, несмотря на отсутствие археологически фиксируемой инфраструктуры обоих упомянутых маршрутов, они всё же могли эпизодически использоваться в качестве второстепенных транзитных коммуникаций. В частности, о наличии дороги, проходившей к Гнёздову с северо-востока, свидетельствует скопление памятников конца I тыс. в верховьях р. Дубровенки, включая археологический комплекс Новосёлки и клад у д. Дубровенки (954–961 гг.). Вероятно, они могут маркировать путь: р. Каспля – р. Жереспя – р. Луценка – волок – р. Дубровенка – р. Днепр; вариант: р. Дубровенка – волок – Гнёздово. Именно на этом гипотетическом маршруте (на р. Жереспя) был найден упоминавшийся клад IX в. у д. Кислая.

Судя по имеющимся данным, в процессе формирования инфраструктуры транзитных коммуникаций, начиная с конца IX – начала X в. в Смоленском Поднепровье и Подвинье постепенно сложилась особая раннегосударственная структура, которая имеет определённые археологические признаки. Кратко охарактеризуем основные из них.

1. Система расселения в изучаемом регионе уже в 1-й половине X в. приобрела иерархическую структуру, содержащую как минимум три или четыре уровня. Верхний уровень иерархии занимает древнерусское раннегородское поселение в восточной части Гнёздовского археологического комплекса – так называемый Центральный комплекс памятников, представляющий собой остатки первоначального Смоленска. Именно с Центральным Гнёздовским городищем уместно связывать упоминание «крепости Милинска» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (Константин Багрянородный, 1991, с. 45). На протяжении X – начала XI в. это было единственное поселение городского типа в Смоленском Поднепровье и Подвинье. В системе основных путей сообщения и их инфраструктуры особая роль Гнёздовского комплекса заключалась в первую очередь в том, что он являлся

главным узлом этих путей. Этим обстоятельством определялись не только важнейшее значение Гнёздова как главного регионального центра древнерусского населения, но и особенности его собственной структуры и топографии. Действительно, весь комплекс вытянут примерно на 6 км вдоль Днепра как главной коммуникационной артерии и одновременно вдоль сухопутной дороги, шедшей по его правому берегу. Входящее в состав комплекса Ольшанское поселение, по-видимому, контролировало переправу через Днепр к устью р. Лубня, по которой можно было легко попасть в бассейн р. Сож.

Следующий (второй) уровень представлен ранними древнерусскими торгово-ремесленными и военно-административными центрами меньшего масштаба, известными пока только в Днепро-Двинском междуречье. Это археологические комплексы Новосёлки, Рокот и Шишкино, каждый из которых состоит из городища, селища (в Рокоте это укрепленный «окольный город») и курганного могильника (Шмидт, 2005; Нефёдов, 2001; 2004; 2012; Нефёдов, Мурашева, 2008, с. 98–101). Во всех трёх случаях городища возникли в более ранние эпохи, причём в Новосёлках и Шишкине, в отличие от Рокота, они использовались в конце I тыс. только как убежища и наблюдательные пункты, а население жило у их подножий в неукрепленных поселениях. Площадь селища в Новосёлках составляет около 0,5–0,6 га (возможна корректировка в сторону увеличения), городища Рокот и селища Шишкино – около 1,5 га. Материалы исследований этих археологических комплексов дают возможность охарактеризовать их население как полиэтничное, включавшее носителей КСДК и ярко выраженную военизированную скандинавскую элиту, а их культуру как очень близкую культуре раннего Гнёздова. Отсутствие на этих памятниках круговой керамики (при наличии в Новосёлках и Рокоте лепных подражаний ей) как будто не позволяет датировать прекращение их существования временем позднее середины – третьей четверти X в.

Возможно, удастся выделить третий уровень иерархии, который могут составлять такие комплексы памятников, как Заозерье, Кушлянщина и Березинка (Шмидт, 2008; Ширинский, 2001, с. 114–133; Ляўданскі, 1930, с. 281). Эти памятники, в отличие от упомянутых выше, возникли (в рамках последней четверти I тыс.) в VIII–IX вв. как поселения КСДК и продолжали существовать в этом качестве в X в. (про Заозерье и Кушлянщину это можно утверждать определённо). Но, вероятно, уже в 1-й половине X в. на них появляется древнерусское население, включая скандинавов, что получило отражение в материалах соответствующих некрополей. Можно предположить, что какое-то время в X в. кривичи и древне-

русское население проживали там совместно. По-видимому, к этим археологическим комплексам могут быть отнесены не только селища и курганные могильники, но и городища-убежища 2-й половины I тыс. со слабо выраженным культурным слоем, расположенные неподалёку от неукреплённых поселений, но не вплотную к ним (Археологическая карта... , ч. 1, с. 73–74, 113; ч. 2, с. 217). К сожалению, эти комплексы, за исключением входящих в них могильников, пока плохо изучены. Не исключено, что первоначально именно они являлись своего рода локальными центрами в системе расселения КСДК.

На нижнем уровне иерархии находятся рядовые сельские памятники, масштабы которых, впрочем, неодинаковы. Их можно разделить на три культурные группы, свидетельствующие о неоднородности славянского населения изучаемого региона в конце IX–X в. Во-первых, это селища КСДК и относящиеся к ним могильники, доживающие до X в. В их числе – Шугайлово, Михайково, Сельцо, Арефино, возможно, также Ковали, Слобода (Пржевальское). Ко второй группе, видимо, относятся наиболее ранние древнерусские сельские поселения, сопровождаемые так называемыми полусферическими курганами с трупосожжением. Появление «сельских» древнерусских курганов в Смоленском Поднепровье принято датировать концом IX – началом X в. (Белоцерковская, 1975, с. 62; Енуков, 1990, с. 115), а к наиболее ранним обычно относят те, в которых найдена только лепная керамика – Вязовенька, Пилички, Колодня, Русаново, Боровая и др. Следует отметить, что лепная керамика в древнерусских курганах Смоленщины не может являться основанием для датировок в пределах десятилетий, однако наличие в этом регионе древнерусского сельского населения в первой половине – середине X в. следует считать весьма вероятным. Наконец, третья группа памятников представлена высокими насыпями, близкими по размерам и топографии новгородским сопкам. Они концентрируются в двух микрорегионах Смоленского Подвинья: в районе впадения р. Рутавечь в р. Каспля (Шарки, Силуяново, Боярщина и др.) и в междуречье Западной Двины и р. Половья, притока Каспли (Горяне, Смоленский Брод, Малый Оступ, Бакланово и др.) (Нефёдов, 1997, с. 225–231; Еремеев, 1999). К сожалению, раскопки этих курганов почти не производились, поэтому их невозможно датировать точнее, чем IX–X вв. Раскопки остатков сопковидного кургана у д. Горяне позволили И.И. Еремееву датировать его возведение IX – началом X в. (Еремеев, Дзюба, 2010, с. 346–347).

Важно подчеркнуть, что практически все эти населённые пункты в совокупности составляли инфраструктуру транзитных военно-торговых путей в реконструированном нами виде. Они

синхронны в рамках периода от конца IX – начала X в. до середины – третьей четверти X в., причём входящие в эту группу древнерусские памятники являются наиболее ранними на изучаемой территории, а памятники КСДК – самыми поздними на Смоленщине. Наличие наблюдаемой в данном случае сложной иерархии населённых пунктов является одним из важнейших признаков посттарно-политической структуры типа сложного вожества или раннего государства (Крадин, 1995, с. 40–41, 45).

2. Показательно распределение серебряной монеты и изделий из драгоценных металлов между поселениями, занимающими разные уровни иерархии. Всего в Смоленском Поднепровье и Подвинье известно 15 кладов 1-й половины – середины X в. и 6 недатированных кладов восточных монет, как минимум часть которых, скорее всего, относится к тому же периоду. Из 21 клада 12 найдено в Гнёздове, ещё 3 (Верхне-Ясенная, Дубровенка, Смоленск) – в его ближайших окрестностях. Ещё более контрастна ситуация с находками отдельных арабских и византийских монет в погребениях и культурном слое поселений: кроме Гнёздова (по последним данным, там найдено около 380 экз. – см.: Пушкина, Стукалова, 2011, с. 96) они в настоящее время известны только на археологических комплексах второго иерархического уровня (Рокот – около 10, Новосёлки – 2, Шишкино – 1). Разумеется, эти статистические данные не следует принимать буквально, поскольку масштабы раскопок в Гнёздове и на синхронных памятниках региона несопоставимы. Однако обращает на себя внимание тот факт, что раскопки «сельских» могильников конца I тыс., относящихся как к КСДК, так и к древнерусской культуре, пока совсем не дали нумизматических находок.

Серебряные украшения в Гнёздове весьма многочисленны (только в составе кладов их около 200), есть также несколько золотых изделий, в то время как на других памятниках Смоленщины конца I тыс. они представлены единичными находками. В частности, среди инвентаря смоленских длинных курганов конца IX–X в. известно всего 5 серебряных украшений, в основном сделанных из низкопробного серебра, причём в древностях этой культуры их число не увеличилось по сравнению с VIII–IX вв.

Эти данные напрямую доказывают колоссальную степень концентрации материальных ценностей на поселениях высоких рангов, прежде всего в Гнёздове.

3. Рассмотрим некоторые аспекты взаимоотношений раннегородского и сельского населения изучаемого региона в первой половине – середине X в., насколько они могут быть реконструированы по археологическим данным. Несомненно, сельские поселения, занимавшие нижний, базовый уровень иерархии, уже в

силу своей относительной многочисленности играли важнейшую роль в обслуживании транзитных путей сообщения, от стабильного функционирования которых зависело благополучие раннегородского центра в Гнёздове как крупнейшего «перевалочного пункта» на пути «из варяг в греки». Кроме того, гнёздовская раннегородская община, насчитывавшая, как можно предполагать, не менее 1000 человек, вряд ли могла прокормить себя самостоятельно – для сельскохозяйственных угодий необходимой площади вокруг Центрального поселения просто нет места (Кириянова, Пушкина, 2008, с. 176). По-видимому, положение осложнялось ещё и тем, что постоянным жителям Гнёздова приходилось накапливать запасы продовольствия, значительно превышавшие их собственные потребности, чтобы прокормить не только себя, но и тех, кто прибывал в город извне. В связи с этим необходимо обратить внимание и на высокую вероятность сезонных колебаний численности населения Гнёздова (Булкин, Лебедев, 1974, с. 12, 15). Следует подчеркнуть, что география и гидрография военно-торговых путей между средней Ловатью и верхним Днепром практически исключала их использование в летнюю межень и сильно затрудняла таковое даже в половодье (особенно учитывая, что из-за климатических причин и сильной облесенности берегов рек половодья в конце I тыс. были значительно ниже современных). Этот участок пути «из варяг в греки» мог активно функционировать только зимой как сухопутный и (с серьёзными трудностями) весной как водно-сухопутный (ср.: Микляев, 1992). Следовательно, население Гнёздова резко возрастало приблизительно в декабре – апреле, т.е. в самое голодное время года, что делало его особенно зависимым от поставок продовольствия со стороны сельского населения региона. Интересен вопрос о том, насколько вся эта деятельность была выгодна самим сельским жителям и, в частности, носителям КСДК.

Как отмечалось выше, несмотря на резкое увеличение количества серебра в Смоленском Поднепровье в первой половине – середине X в., в погребениях КСДК оно не стало встречаться чаще, чем в VIII–IX вв. Тем не менее, изделий древнерусского и скандинавского происхождения в смоленских длинных курганах найдено довольно много, не менее 70, что указывает на активные связи кривичей с древнерусским населением (Нефёдов, 2011, с. 75–76). Подавляющее большинство этих находок составляют, во-первых, ножи группы IV, по классификации Р.С.Минасяна, и наборные односторонние гребни, во-вторых, такие украшения, как литые трёхдырчатые и ромбовидные подвески, а также плетёные цепочки, на которых носили ромбовидные подвески. Вторая группа изделий составляет около $\frac{3}{4}$ всех определяемых украшений сканди-

навского и древнерусского происхождения в смоленских длинных курганах конца IX–X в. На сегодняшний день известно два центра производства трёхдырчатых и ромбовидных подвесок: Гнёздово и Городок на Ловати (Енисова, 2001, с. 212–215). При этом в материалах Гнёздовского некрополя таких украшений нет, что определённо указывает на их производство специально для населения, соорудившего смоленские длинные курганы.

Другим видом товара, которым Гнёздово торговало с носителями КСДК, по всей вероятности, является стеклянный бисер. При раскопках Центрального Гнёздовского поселения найдены тысячи бисерин, особенно много за последние годы, когда культурный слой стали полностью промывать. В то же время в Гнёздовских курганах бисера мало: по данным В. М. Поповой конца 1970-х гг., бисер присутствовал в 7 из 65 погребений с бусами (эти 7 комплексов отнесены к первой половине X в.), составляя в них несколько более 10% от общего количества бус (Попова, 1980, с. 51–52, 57). В смоленских длинных курганах ситуация иная: бисер присутствует почти во всех достоверных погребениях X в. с бусами, составляя в них от 50 до 99 % всех бус. Складывается впечатление, что бисер был нужен жителям Гнёздова в основном для торговли с сельским населением региона. При этом наиболее сложные в изготовлении и дорогие разновидности стеклянных бус (мозаичные, глазчатые, с металлической прокладкой), а также бусы из полудрагоценных камней, широко представленные в Гнёздове и на некоторых ранних древнерусских памятниках более низкого ранга, к носителям КСДК в X в. почти не поступали.

По-видимому, сельское население северо-западной Смоленщины в первой половине – середине X в. получало товары, которые не могло произвести само, в основном через Гнёздово и менее крупные древнерусские центры региона, причём эти торговые операции, возможно, были каким-то образом регламентированы.

Судя по имеющимся данным, в окрестностях Гнёздова, на расстоянии около 40–50 км по прямой (одного-двух дневных переходов) от него, почти полностью отсутствуют могильники КСДК с погребениями X в., что свидетельствует если не об исчезновении, то о резком сокращении числа населённых пунктов этой археологической культуры вокруг Гнёздова уже в первой половине столетия (Нефёдов, 2011, с. 77). Этот процесс сопровождался древнерусским расселением в окрестностях раннегородского центра. Интерпретировать приведённые факты можно двояко: с одной стороны, как начальный этап ассимиляции носителей КСДК древнерусским населением, с другой стороны, как следствие конфликтов, вызванных военно-административным давлением на местных жителей. В связи с этим примечательно, что на Центральном

поселении Гнёздова к настоящему времени найдено около 100 женских украшений, характерных для КСДК. Хотя в это число входят несомненно бракованные и недоделанные предметы, производившиеся в самом Гнёздове (преимущественно трёхдырчатые и ромбовидные подвески), а также привезённый из округи ювелирный лом, всё же не вызывает сомнений, что кривичи постоянно посещали Гнёздово и даже жили там. Однако в Гнёздовском некрополе не только не найдено достоверных погребений КСДК, но и практически нет отдельных украшений этой культуры. По нашему мнению, такая парадоксальная ситуация может объясняться тем, что носителей КСДК не хоронили в Гнёздове, поскольку они не обладали там полноправным статусом и не входили в состав раннегородской общины.

Приведённые данные косвенно подтверждают наличие на изучаемой территории в X в. монополии древнерусской, преимущественно скандинавской элиты, концентрировавшейся на верхних уровнях иерархии населённых пунктов, на внешнеторговые операции и позволяют предполагать наличие неэквивалентного обмена между нею и сельскими жителями. Такое положение могло существовать только в условиях использования военно-административного аппарата, направленного в том числе на принуждение зависимых групп населения.

4. Материалы наиболее крупных древнерусских памятников (в отличие от памятников КСДК) демонстрируют хорошо выраженную социальную стратификацию. Особенно ярко она видна по материалам Гнёздовских курганов, что многократно отмечалось в литературе. В частности, в некрополе Гнёздова выделяется небольшая группа исключительно «богатых» и сложных по структуре скандинавских погребальных комплексов середины – третьей четверти X в., известных как «большие курганы». С наибольшими основаниями к этой группе относятся шесть курганов, четыре из которых расположены в Центральном могильнике (курган 20 (В.И. Сизов, 1885 г.), курган 74 (С.И. Сергеев, 1900 г.), курган Ц-2 (Д.А. Авдусин, 1950 г.), нераскопанный курган громадных размеров, ныне наполовину разрушенный), один – в Днепровском могильнике (курган 86 (С.И. Сергеев, 1901 г.)), один – в Ольшанском могильнике (курган 24/Оль-1 (В.И. Сизов, 1896 г./И.С. Абрамов, 1905 г./Д.А. Авдусин, 1950 г.)) (Сизов, 1902, с. 8–11; Ширинский, 1999, с. 105–107; Спицын, 1905, с. 46–48, 50–52; Спицын, 1906, с. 191–192; Авдусин, 1957, с. 158–164, 169–174). Кроме необыкновенно больших размеров (высота от 3 до 8 м, диаметр от 25 до 37 м), они характеризуются определённым набором признаков, главные из которых: трупосожжение мужчины в дорогой парадной одежде вместе с одной или двумя женщинами, в том числе в ладье; помещение особенно престижных

и сакрально значимых предметов, взятых с погребального костра, а также не бывших в огне, на краю кострища или рядом с ним (в одном случае – в яме под кострищем) в определённом порядке; в число этих предметов входят, во-первых, представительный набор оружия и доспехов (меч, щит, копьё, скрамасакс, шлем, кольчуга) или только часть его, во-вторых, ритуальная пиршественная посуда – медный котёл с костями и шкурой барана или козла, иногда также фаянсовое византийское блюдо, жертвенный нож. Со времён В.И.Сизова (1902, с. 11) эти исключительные погребальные комплексы совершенно справедливо сопоставляют с аналогичными «большими курганами» Чернигова – Гульбищем и Чёрной Могилой.

Не вызывает сомнений, что в «больших курганах» Чернигова и Гнёздова похоронены люди, обладавшие огромной сакральной и военно-административной властью. Некоторые исследователи считают их русскими князьями или членами княжеского рода (из последних работ см.: Петрухин, 1998, с. 368; 2000, с. 250–251). Действительно, более престижных курганных погребений на Руси неизвестно. Видимо, к середине X в. в Гнёздове оформилась собственная княжеская власть, субъекты которой, как можно предполагать, входили в группу лиц, упомянутых в ПВЛ под 907 г.: «по тем... городом седяху велиции князи, под Олгом суще» (ПВЛ, 1996, с. 17), хотя в данном случае речь может идти скорее о времени правления Игоря и Ольги, а не Олега. Нельзя исключить, что кто-то из смоленских князей упомянут в преамбуле русско-византийского договора 944 г.

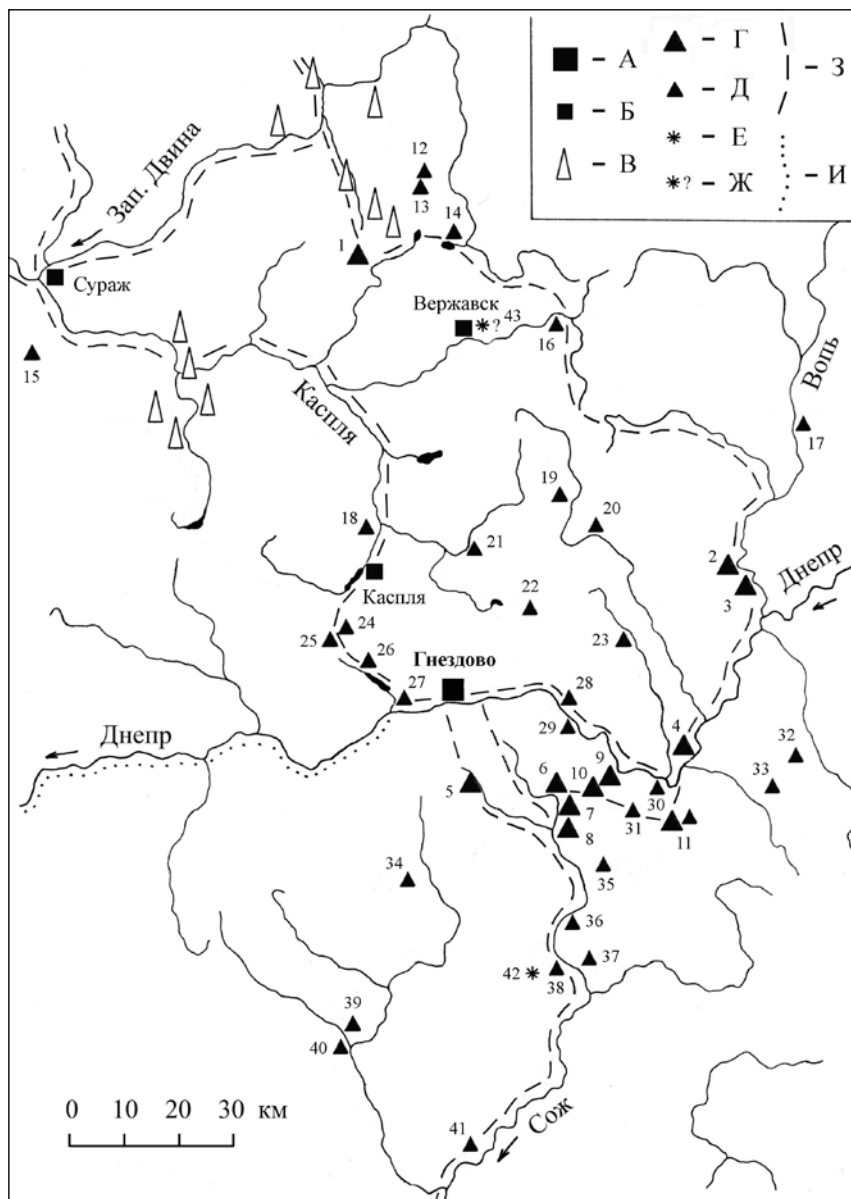
По нашему мнению, археологические и нумизматические данные позволяют утверждать, что в Смоленском Поднепровье и Подвинье в первой половине – середине X в. сложилась раннегосударственная структура, обладавшая некоторой автономией внутри формирующегося Древнерусского государства. Вместе с тем говорить о независимом княжестве (наподобие Полоцка при Рогволоде) в данном случае нет оснований, поскольку это противоречит нашим представлениям об условиях стабильного функционирования пути «из варяг в греки» и о политическом единстве Северной и Южной Руси. Расцвет этого социально-политического организма с центром в Гнёздове (Смоленске), прообраза и территориального ядра будущей Смоленской земли, приходится на середину X в.

Остаётся неясным, контролировало ли Гнёздово и подчинённая ему поселенческая структура поречье Западной Двины и микрорегионы Смоленского Подвинья, которые были заселены людьми, возводившими сопковидные курганы. Относительно остальной рассматриваемой здесь территории (точнее, проходивших по ней транзитных военно-торговых путей) подобные сомнения представляются излишними.

**Второй этап политогенеза:
вторая половина X – первая половина XI в.**

Материалы раскопок Центрального Гнёздовского поселения позволяют сделать вывод о том, что в третьей четверти X в. в раннегородском центре произошло катастрофическое событие. Исследования пойменной части Центрального селища с хорошо стратифицированным культурным слоем X – начала XI в., перекрытым аллювиальными отложениями XVII–XX вв., позволили выделить на раскопе П-8 несколько строительных периодов (этапов). Сооружения этапа III погибли в пожаре, после которого, в начале следующего этапа IV, были произведены нивелировочная подсыпка и перепланировка исследованного участка. В сооружениях и культурном слое этапа IV появляются керамика, детали поясной гарнитуры и пиррофиллитовые (шиферные) пряслица среднеднепровского происхождения, отсутствующие в более ранних горизонтах (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007, с. 47, 69–70). Я. В. Френкель на основе анализа сочетаний бус, датированных по материалам Старой Ладogi и Рюрикова Городища, отнёс финал горизонта III к 950-м гг. (Френкель, 2007, с. 97–99). Приблизительно в это же время сгорели и затем были перестроены первоначальные дерево-земляные укрепления Центрального городища, сооружённые вскоре после возникновения Гнёздова, т. е., вероятно, во второй четверти X в. (Пушкина, 1974, с. 7–8). Эти данные указывают на то, что в третьей четверти X в. Гнёздово подверглось военному разгрому.

По нашему мнению, датировку этого события можно немного скорректировать. С территории Гнёздовского археологического комплекса происходит 8 опубликованных кладов, содержащих восточные монеты. Т. А. Пушкина разделила эти клады (тогда их было найдено 7) по датам младших монет на три хронологические группы: 920-х, 940–950-х и 960-х гг. (Пушкина, 1999, с. 411–412). Нам представляется более логичным выделить две основные типохронологические группы: а) 3 монетных клада 924/925 – 936/937 гг. (находки 1966/75, 2010, 1973 гг.); б) 5 монетно-вещевых кладов 948/949 – 960/961 гг. (находки 1870, 1993, 1867, 1909, 1885 гг.). При этом, как доказала Т. А. Пушкина, первые гнёздовские клады, найденные в 1867 и 1870 г., являются наименее достоверными по составу, в том числе с заведомо неполным или изменённым набором монет (Пушкина, 1998, с. 373–374, 376). Поэтому, в частности, в кладе 1870 г. с сохранившейся младшей монетой 948/949 г. могли содержаться дирхемы и последующих годов чеканки. Кроме того, отмечалось, что клад 1993 г. с младшей монетой 951/952 г. близок по составу и истории формирования

ния его монетной части Звеничевскому кладу с младшей монетой 957 г. (Фомин, 1996, с. 191–192). Из сказанного следует, что клады второй группы хронологически очень компактны, период их окончательного формирования может охватывать менее десятилетия в 50-х – начале 60-х гг. X в.

Таким образом, клады второй группы, содержавшие литые и филигранные серебряные украшения скандинавского и южно-русского происхождения и, в отличие от кладов первой группы, представляющие собой сокровища высшей гнёздовской аристократии, могли быть сокрыты (точнее, не изъяты из-за гибели их владельцев) в результате одного и того же события. Это катастрофическое событие, по-видимому, и следует понимать как военный разгром Гнёздова, который произошёл в первой половине 960-х гг. и сопровождался уничтожением высшего слоя гнёздовской элиты. Такая военно-политическая акция могла быть осуществлена только по инициативе киевского князя и, вероятно, имела целью прямое подчинение Смоленска и его округа власти Киева. Нетрудно заметить, что, согласно предложенной реконструкции, эта акция приходится на первые годы самостоятель-

*Рис. 2. Смоленское Поднепровье и Подвинье
во второй половине X – первой половине XI в.:*

А – раннегородской центр;

Б – княжеские крепости;

В – сопковидные курганы (названия памятников см. на рис. 1);

Г – древнерусские могильники с «дружинным» и иным социально престижным погребальным инвентарём: 1 – Саки, 2 – Сельцо (Ярцево), 3 – Мизиново, 4 – Лопино (Шутовка), 5 – Кушляница, 6 – Сумароково, 7 – Горяны, 8 – Кошино, 9 – Березинка, 10 – Яново, 11 – Плескачи (Станьково);

Д – древнерусские селища / могильники: 12 – Ярилово, 13 – Шиши, 14 – Слобода (Пржевальское), 15 – Казимирово, 16 – Рибшево, 17 – Капыревщина (Благодатная), 18 – Семёново, 19 – Турье, 20 – Топорово, 21 – Сыр-Липки, 22 – Зыколино, 23 – Мольково, 24 – Волоковая, 25 – Гончаренки, 26 – Старое Куприно, 27 – Катынь, 28 – Колодня, 29 – Маркатушино, 30 – Верхние Немыкари, 31 – Акулы (Путятинки), 32 – Левыкино, 33 – Тимошово, 34 – Васильево, 35 – Ямполье, 36 – Вердихово, 37 – Княжое (Акулинки), 38 – Светлое, 39 – Доброселье, 40 – Петрополье, 41 – Городок;

Е – клад с датированными монетами: 42 – Барсуки (990-е гг.);

Ж – клад восточных монет не датированный: 43 – Городище (Вержавск);

З – главные маршруты военно-торговых путей;

И – второстепенные маршруты военно-торговых путей

ного правления Святослава, не отмеченные в ПВЛ какими-либо событиями. В связи со сказанным обратим внимание на гипотезу Н. И. Платоновой, в соответствии с которой 22 «князя» или «архонта» Руси, чьи представители упомянуты наряду с послами Игоря, Ольги и Святослава в русско-византийском договоре 944 г. и протоколах приёмов Ольги в Константинополе в 946 или 957 г. и, напротив, не упомянутые в русско-византийском договоре 971 г., были устранены с политической сцены в 50–60-х гг. X в. (Платонова, 1997, с. 72–73). Думается, приведённые данные хорошо согласуются с этой гипотезой.

После разорения раннегородской центр в Гнёздове был немедленно восстановлен, на следующие десятилетия приходится (или продолжается) его расцвет, фиксируемый по археологическим данным. По-видимому, новая элита, управлявшая городом и его округой в период господства киевской администрации, представлена погребёнными в камерных могилах, которые в совокупности датируются второй половиной X в. По основаниям столбов из двух камерных погребений Гнёздовского некрополя получены дендродаты 975 и 979 г. (Авдусин, Пушкина, 1989, с. 203).

Большие перемены произошли в это время и во всём регионе. Примерно в 3-й четверти X в. перестал существовать целый ряд населённых пунктов, в том числе таких, которые играли важнейшую роль в инфраструктуре военно-торговых путей. Во-первых, это археологические комплексы Новосёлки, Рокот и Шишкино, занимавшие в предшествующий период второй по значимости уровень в иерархии поселений Смоленского Поднепровья и Подвинья. Во-вторых, это ещё существовавшие поселения культуры смоленских длинных курганов – Заозерье, Шугайлово, Михейково и др. Трудно сказать, погибли все эти населённые пункты одновременно (и одновременно ли с разгромом Гнёздова) или прекратили существование в течение одного-двух десятилетий, но несомненно, что инфраструктура транзитных коммуникаций в Днепро-Двинском междуречье в том виде, в котором она сложилась в конце IX – первой половине X в., была разрушена. Примечательно, что недалеко от Новосёлок, у д. Дубровенка, найден клад, насчитывавший около 200 дирхемов, младшие из которых чеканены между 954 и 961 гг. (Марков, 1910, с. 42).

На смену локальным центрам предшествующего периода в Днепро-Двинском междуречье во второй половине X – начале XI в. приходит система «городков», расположенных в бассейне р. Каспля и, к сожалению, исследованных только разведками. В их число, несомненно, входят Сураж при впадении Каспли в Западную Двину, Каспля при истоке реки из оз. Каспьянское и Вержавск в среднем течении р. Гобзы. Приблизительная площадь этих го-

родищ – соответственно 1300, 1800 и 4500 кв. м. В их культурном слое найдена древнерусская раннекруговая керамика, а на Суражском городище – также лепная, характерная для КСДК, но бытовавшая в изучаемом регионе до XI в. включительно (Нефёдов, 1998, с. 251–252; там ссылки на литературу). Своими масштабами выделяется Вержавск, представляющий собой археологический комплекс, в который входят также селище – остатки древнерусского посада – и курганный могильник. Такая структура комплекса, типичная для более ранних локальных центров, могла сформироваться не позднее конца X – начала XI в. Кроме того, по сведениям Е. А. Шмидта, на Вержавском городище найден клад восточных монет (не датирован). Остатки древнерусских посадов известны также в Сураже и Каспле. Вержавск и Каспля упомянуты в Уставе 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича в качестве волостных центров (Древнерусские княжеские уставы..., 1976, с. 141, 143). Вероятно, такой же статус был и у Суража, но в составе Полоцкой земли, хотя в древнерусских источниках он не упоминается. В момент их основания эти укрепленные поселения, по-видимому, были княжескими крепостями, осуществлявшими государственный контроль над важнейшими путями и некоторыми ответвлениями от них. Таким образом, в Смоленском Поднепровье и Подвинье впервые появились населенные пункты, которым предстояло играть важную роль в административно-территориальных структурах XI–XIV вв.

Строительство княжеских крепостей в бассейне Каспли, осуществлённое если не одновременно, то максимум в течение нескольких десятилетий, свидетельствует о том, что со второй половины X в. или, вероятнее, с последней трети этого столетия путь по Каспле на всем её протяжении стал одним из основных в регионе. В то же время с исчезновением Рокота и Заозерья путь по рекам Рутавечь и Клёц, очевидно, перестал функционировать. «Восточный» вариант пути между Днепром и Западной Двиной в рассматриваемый период сохранял большое значение. Вержавск благодаря своему местоположению мог контролировать участок этого маршрута в верховьях Гобзы наравне с путём по Каспле в её среднем течении.

Ситуация на левобережье Днепра не претерпела во второй половине X – начале XI в. существенных изменений. Продолжал функционировать путь по Сожу с установившимися ранее вариантами перехода из Сожа в Днепр; такие важные населенные пункты, как Березинка и Кушлянщина, существуют до XI в. включительно, но уже как древнерусские поселения с присутствием в X в. скандинавов. В верховьях Сожа известен единственный на Смоленщине датированный монетный клад конца X в. у д. Барсуки (Лебедев, Галанов, 2005, с. 423–426, 430).

Исчезновение в третьей четверти X в. на изучаемой территории носителей культуры смоленских длинных курганов не привело к демографическому спаду. Наоборот, во второй половине X – начале XI в. резко возрастает количество древнерусских поселений сельского типа. Особенно много их возникло в бассейнах верхнего Сожа и смоленского течения Днепра, что указывает на увеличившийся приток славянского (древнерусского) населения из более южных районов Поднепровья. Древнерусские могильники этого периода, расположенные на военно-торговых путях или рядом с ними, зачастую близки по культуре позднему Гнёздову: Сельцо, Мизиново, Лопино, Березинка, Кушлянцина, Сумароково, Горяны, Кошино, Яново, Плескачи (Станьково) и др. В некоторых погребениях этих некрополей найдены предметы вооружения, снаряжения всадника, различные привозные изделия (в том числе скандинавские), а также дорогие украшения (Ляўданскі, 1930, с. 281, табл. II; Енуков, 1990, рис. 44, 45; Ениосова, Нефёдов, 1999; Ширинский, 2001). Всё это подчёркивает высокий статус погребённых и не позволяет считать их рядовыми сельскими жителями. Большинство погребений такого рода концентрируется в верховьях Сожа и на переходах с него на Днепр, что демонстрирует особую важность южного направления торговых и политических связей Смоленского Поднепровья в рассматриваемый период. В целом система расселения в изучаемом регионе по-прежнему характеризуется сложной иерархией населённых пунктов.

Вопрос о времени, причинах и обстоятельствах прекращения существования Гнёздова как раннегородского центра остаётся пока трудноразрешимым. Впрочем, исследования пойменной части Центрального селища позволили немного уточнить датировку финала Гнёздова. На раскопе П-2 из нижнего горизонта культурного слоя (горизонт 5), представляющего собой заполнение естественной заболоченной ложбины, получена серия дендродат, самая поздняя (и самая надёжная) из которых – 1002 г. (Мурашева, Авдусина, 2007, с. 12–13, 26). Выше залегало три стратиграфических горизонта общей мощностью до 0,5 м, двум верхним из которых (горизонты 3 и 2) соответствуют два строительных периода непосредственно на исследованном участке. Материалы из этих горизонтов типичны для «классического» Гнёздова и не указывают на какие-либо существенные изменения в культуре и характере поселения по сравнению со второй половиной X в. Постройки горизонта 2 погибли в пожаре, после которого активная деятельность в этом месте прекратилась (Мурашева, Авдусина, 2007, с. 17). Приведённые данные, по нашему мнению, не позволяют датировать финал раннегород-

ского периода истории Гнёздова временем ранее 20–30-х гг. XI в. Безусловно, прав был А.А. Спицын, когда относил его к эпохе Ярослава (Спицын, 1905, с. 8).

В настоящее время нет оснований утверждать, что Центральное Гнёздовское поселение переживало на рубеже X–XI вв. и в начале XI в. период упадка. Имеющиеся данные свидетельствуют, скорее, об очень быстром, возможно, моментальном прекращении существования Гнёздова как раннего древнерусского города. Вместе с тем остаётся неясным, как это произошло: в результате насильственного уничтожения или более-менее мирного «переноса» города на новое место. Финальный пожар, выявленный на раскопе П-2, как будто указывает на вероятность первого сценария, однако неизвестно, был ли этот пожар тотальным. Надеемся, на этот вопрос помогут ответить результаты новых раскопок в пойменной части Центрального селища и на Центральном городище.

Исходя из высокой вероятности того, что финал Гнёздова был всё же событием, а не процессом, было бы заманчиво связать его с какими-то действиями в период междукняжеских войн 1015–1026 гг., тем более что один эпизод этих междоусобиц – убийство князя Глеба в 1015 г. – прямо связывался в конце XI – начале XII в. со Смоленском (ПВЛ, 1996, с. 60). По-видимому, первоначальный Смоленск перестал существовать после 1021 г., когда, согласно Софийской I летописи, Ярослав передал полоцкому князю Брячиславу города Витебск и Усвят (ПСРЛ, т. 5, с. 134). В результате сформировалась восточная граница Полоцкого княжества в Днепро-Двинском междуречье, т.е. к Полоцку отошёл ещё и Сураж вместе с нижним течением Каспли. Возможно, из-за этого стабильное функционирование транзитного пути, проходившего по Усвяче и Каспле, с которым Гнёздово было связано наиболее тесно, оказалось под угрозой, хотя Брячислав с 1021 г. и до конца жизни честно выполнял наказ своего дяди: «Буди же со мною заодин». Нельзя исключать и того, что между исчезновением первоначального Смоленска и возникновением нового (в 12 км выше по Днепру) прошло довольно продолжительное время. На эту мысль наводит резкое несоответствие масштабов и политического значения первого и второго населённых пунктов. Действительно, после учреждения Смоленского княжества в 1054 г. на смоленский стол сажали одного за другим самых младших и быстро умиравших сыновей Ярослава – Вячеслава и Игоря, которые не могли быть самостоятельными политическими фигурами. После смерти Игоря (1060 г.) в Смоленске не менее 15 лет вообще не было князя (Алексеев, 1980, с. 195). Несмотря на интенсивные раскопки в историческом центре современного города, Смоленск середины – 3-й четверти XI в. не удалось обнаружить ни к началу

1990-х гг. (Авдусин, 1991, с. 7), ни сегодня. Очевидно, город того времени (находившийся, надо полагать, уже на современном месте) был довольно скромным поселением, что заставляет сомневаться в его непосредственной преемственности по отношению к раннегородскому центру в Гнёздове.

Судя по всему, в первой половине XI в. система расселения и сложившаяся поселенческая структура в Смоленском Поднепровье и Подвинье не претерпела существенных изменений, что составляет сильный контраст с ситуацией третьей четверти X в. В частности, ранние трупоположения, появившиеся в сельских курганных могильниках, находятся преимущественно на тех же памятниках, что и древнерусские курганы с трупосожжением (Катынь, Саки, Слобода (Пржевальское), Сельцо, Мизиново, Мольково, Маркатушино, Плескачи (Станьково), Березинка, Кушлянщина и др.). Население продолжало концентрироваться к югу от Днепра и в восточной части Днепро-Двинского междуречья, что, возможно, подтверждает уменьшение роли каспьянского пути во второй четверти XI в. Очевидно, к этому времени в целом сформировалась территориальная и демографическая основа центральных районов будущей Смоленской земли.

* * *

В заключение необходимо подчеркнуть, что процесс политогенеза в Смоленском Поднепровье и Подвинье начался, по крайней мере, на полтора столетия раньше «официальной» даты образования Смоленского княжества. Сама дата 1054 г. может рассматриваться только как начало третьего этапа этого процесса. Поэтому невозможно согласиться с мнением Л. В. Алексеева о том, что «по сравнению с соседней, также кривичской Полоцкой землёй, Смоленская земля вышла на арену истории почти на столетие позднее» (Алексеев, 1980, с. 255). Напротив, отчётливо фиксируемая по археологическим данным раннегосударственная структура сформировалась в регионе уже к середине X в. и интенсивно развивалась на протяжении последующего столетия.

Источники и литература

Авдусин Д. А., 1957. Отчёт о раскопках гнёздовских курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск. Вып. 2.

Авдусин Д. А., 1991. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово. М.

Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1989. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М.

Алексеев Л. В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.

Археологическая карта России. Смоленская область. М., 1997. Ч. 1, 2.

Белоцерковская И. В., 1975. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли // Вестник Московского университета. № 5.

Булкин В. А., Лебедев Г. С., 1974. Гнёздово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л.

Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1852. Т. VIII. Ч. 2: Смоленская губерния.

Древнерусские княжеские уставы XI–XIV вв. М., 1976.

Ениосова Н. В., 2001. Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара, 2000. Псков.

Ениосова Н. В., Нефёдов В. С., 1999. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. М. (Труды ГИМ, вып. 111).

Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М.

Еремеев И. И., 1999. К вопросу о южной границе области распространения сопки. Сопки Двинско-Ловатского междуречья // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь. Вып. 3.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. СПб.

Кириянова Н. А., Пушкина Т. А., 2008. Сельскохозяйственная деятельность населения древнего Гнёздова // Сельская Русь в IX–XVI вв. М.

Крадин Н. Н., 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.

Лебедев В. П., Галанов В. И., 2005. Два клада куфических дирхемов и их фрагментов из-под Смоленска // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 4.

Лесман Ю. М., 2003. «Из Варяг в Греки»: хронологические варианты пути // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 6.

Ляўданскі А. М., 1930. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археолёгічнай камісіі. Мн. Т. 2.

Марков А. К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.

Микляев А. М., 1992. Путь «из варяг в греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тез. науч. конф. Новгород.

Мурашева В. В., Авдусина С. А., 2007. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А., 2007. Кузнечно-юве-

лирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Нахапетян В. Е., Фомин А. В., 1994. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования, 1991 год. М.

Нефёдов В. С., 1996. Данные о системе земледелия культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Новгород. Вып. 10.

Нефёдов В. С., 1997. О присутствии северо-западного населения в Днепро-Двинском междуречье в конце I тыс. н.э. (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Новгород. Вып. 11.

Нефёдов В. С., 1998. Городища X в. и начало «окняжения» территории Смоленского Подвинья // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Новгород. Вып. 12.

Нефёдов В. С., 2000. О времени возникновения культуры смоленско-полоцких длинных курганов // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара, 1996–1999. Псков.

Нефёдов В. С., 2001. Новосёлки и Гнёздово // XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М.; Архангельск.

Нефёдов В. С., 2002. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-археалагічны зборник. № 17. Мн.

Нефёдов В. С., 2004. Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М. Ч. 1.

Нефёдов В. С., 2011. Смоленские кривичи и Русь: североευропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. М. Т. II.

Нефёдов В. С., 2012. Археологический комплекс второй половины I тыс. н.э. у д. Шишкино (Городок) в Смоленском Поднепровье // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тез. докл. международной науч. конф. М.

Нефёдов В. С., Мурашева В. В., 2008. Модель для изготовления поясных бляшек «восточного» облика с городища Рокот в Смоленской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 222. М.

Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. М. ПВЛ – Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

Петрухин В. Я., 1998. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: традиции и перспективы. М.

Петрухин В. Я., 2000. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М. Т. I.

Платонова Н. И., 1997. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. // Восточная

Европа в древности и средневековье: IX Чтения памяти В.Т.Пашуто: материалы конф. М.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 5: Софийская первая летопись. СПб., 1856.

Попова В. М., 1980. Гнёздовские бусы: дипломная работа на кафедре археологии МГУ. М.

Пушкина Т. А., 1974. Гнёздовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX–XI вв.): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.

Пушкина Т. А., 1998. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: традиции и перспективы. М.

Пушкина Т. А., 1999. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.

Пушкина Т. А., Стукалова Т. Ю., 2011. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до Средневековья. М.

Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. Вып. 28. СПб.

Спицын А. А., 1905. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. СПб.

Спицын А. А., 1906. Отчёт о раскопках, произведённых в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губ. // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1. СПб.

Френкель Я. В., 2007. Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб.

Фомин А. В., 1996. Куфические монеты Гнёздовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы, 1994 год. Новое в нумизматике. М.

Ширинский С. С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник. М. Ч. 1: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ).

Ширинский С. С., 2001. Курганы IX – начала XI в. в верховье р. Сож у дд. Кушлянщина и Кошино // Смоленские древности. Смоленск. Вып. 1.

Шмидт Е. А., 1958. Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском районе // Советская археология. № 3.

Шмидт Е. А., 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.

Шмидт Е. А., 1969. Раскопки в Смоленской области // Археологические открытия 1968 года. М.

Шмидт Е. А., 2005. Курганный могильник у пос. Новосёлки // Смоленские древности. Смоленск. Вып. 4.

Шмидт Е. А., 2008. Заозерье. Археологический комплекс IV–XII вв. Смоленск.